

Сказка о серебряном блюдечке и наливном яблочке

Жил мужик с женою, и у них были три дочери: две - нарядницы, затейницы, а третья - простоватая, и зовут ее сестры, а за ними и отец и мать, дурочкой. Дурочку везде толкают, во всё помыкают, работать заставляют; она не молвит и слова, на все готова: и траву полет, и лучину колет, коровушек доит, уточек кормит. Кто что ни спросит, все дура приносит: "Дура, поди! За всем, дура, гляди!" Едет мужик с сеном на ярмарку, обещает дочерям гостинцев купить. Одна дочь просит: "Купи мне, батюшка, кумачу на сарафан"; другая дочь просит: "Купи мне алой китайки"; а дура молчит да глядит. Хоть дура, да дочь; жаль отцу - и ее спросил: "Чего тебе, дура, купить?" Дура усмехнулась и говорит: "Купи мне, свет-батюшка, серебряное блюдечко да наливное яблочко". - "Да на что тебе?" - сестры спросили. "Стану я катать яблочком по блюдечку да слова приговаривать, которым научила меня старушка - за то, что я ей калач подала". Мужик обещал и поехал.

Близко ли, далеко ли, мало ли, долго ли был он на ярмарке, сено продал, гостинцев купил: одной дочери алой китайки, другой кумачу на сарафан, а дуре серебряное блюдечко да наливное яблочко; возвратился домой и показывает. Сестры рады были, сарафаны пошили, а на дуру смеются да ждут, что она будет делать с серебряным блюдечком, с наливным яблочком. Дура не ест яблочко, а села в углу - приговаривает: "Катись-катись, яблочко, по серебряному блюдечку, показывай мне города и поля, леса и моря, и гор высоту и небес красоту!" Катится яблочко по блюдечку, наливное по серебряному, а на блюдечке все города один за другим видны, корабли на морях и полки на полях, и гор высота и небес красота; солнышко за солнышком катится, звезды в хоровод собираются - так все красиво, на диво - что ни в сказке сказать, ни пером написать. Загляделись сестры, а самих зависть берет, как бы выманить у дуры блюдечко; но она свое блюдечко ни на что не променяет.

Злые сестры похаживают, зовут, подговаривают: "Душенька сестрица! В лес по ягоды пойдём, земляничку сберем". Дурочка блюдечко отцу отдала, встала да в лес пошла; с сестрами бродит, ягоды собирает и видит, что на траве заступ лежит. Вдруг злые сестры заступ схватили, дурочку убили, под березкой схоронили, а к отцу поздно пришли, говорят: "Дурочка от нас убежала, без вести пропала; мы лес обошли, ее не нашли, видно волки съели!" Жалко отцу - хоть дура, да дочь! Плачет мужик по дочери; взял он блюдечко и яблочко, положил в ларец да замкнул; а сестры слезами обливаются.

Водит стадо пастушок, трубит в трубу на заре и идет по леску овечку отыскивать, видит он бугорок под березкой в стороне, а на нем вокруг цветы алые, лазоревые, над цветами тростинка. Пастушок молодой срезал тростинку, сделал дудочку, и - диво дивное, чудо чудное - дудочка сама поет-выговаривает: "Играй, играй, дудочка! Потешай света-батюшку, мою родимую матушку и голубушек сестриц моих. Меня, бедную, загубили, со свету сбыли за серебряное блюдечко, за наливное яблочко". Люди слышат - сбежались, вся деревня за пастухом оборотилась; пристают к пастуху, спрашивают, кого загубили? От расспросов отбою нет. "Люди добрые! - пастух говорит. - Ничего я не ведаю, а искал в лесу овечку и увидел бугорок, на бугорке цветочки, над цветочками тростинка; срезал я тростинку, сделал себе дудочку, сама дудочка играет-выговаривает".

Случился тут отец дурочки, слышит Пастуховы слова, схватил дудочку, а дудочка сама поет: "Играй, играй, дудочки, родимому батюшке, потешай его с матушкой. Меня, бедную, загубили, со свету сбыли за серебряное блюдечко, за наливное яблочко". - "Веди нас, пастух, - говорит отец, - туда, где срезал ты тростинку". Пошел за пастухом он в лесок на бугорок и дивится на цветы прекрасные, цветы алые, лазоревые. Вот начали разрывать бугорок и мертвое тело отрыли. Отец всплеснул руками, застонал, дочь несчастную узнал, и лежит она убитая, неведомо кем загубленная, неведомо кем зарытая. Добрые люди спрашивают, кто убил-загубил ее? А дудочка сама играет-выговаривает: "Свет мой батюшка родимый! Меня сестры в лес зазвали, меня бедную загубили за серебряное блюдечко, за наливное яблочко; не пробудишь ты меня от сна тяжкого, пока не достанешь воды из колодезя царского". Две сестры завистницы затряслись, побледнели, а душа как в огне, и признались в овине; их схватили, связали, в темный погреб замкнули до царского указа, высокого повеленья; а

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей
отец в путь собрался в город престольный.

Скоро ли, долго ли - прибыл в тот город. К дворцу он приходит; вот с крыльца золотого царь-солнышко вышел, старик в землю кланяется, царской милости просит. Возговорит царь-надежа: "Возьми, старик, живой воды из царского колодезя; когда дочь оживет, представь ее нам с блюдечком, яблочком, с лиходейками-сестрами". Старик радуется, в землю кланяется и домой везет склянницу с живою водою; бежит он в лесок на цветной бугорок, отрывает там тело. Лишь он sprysнул водой - встала дочь перед ним живой и припала голубкой на шею отцу. Люди сбежались, наплакались.

Поехал старик в престольный город; привели его в царские палаты. Вышел царь-солнышко, видит старика с тремя дочерьми: две за руки связаны, а третья дочь - как весенний цвет, очи - райский свет, по лицу заря, из очей слезы катятся, будто жемчуг падают. Царь глядит, удивляется; на злых сестер прогневался, а красавицу спрашивает: "Где ж твое блюдечко и наливное яблочко?" Тут взяла она ларчик из рук отца, вынула яблочко с блюдечком, а сама царя спрашивает "Что ты, царь-государь, хочешь видеть: города ль твои крепкие, полки ль твои храбрые, корабли ли на море, чудные ль звезды на небе?"

Покатила наливным яблочком по серебряному блюдечку, а на блюдечке-то один за одним города выставляются, в них полки собираются со знаменами, со пищалями, в боевой строй становятся; воеводы перед строями, головы перед взводами, десятники перед десятнями; и пальба, и стрельба, дым облако свил, все из глаз закрыл! Яблочко по блюдечку катится, наливное по серебряному: на блюдечке море волнуется, корабли как лебеди плавают, флаги развеваются, с кормы стреляют; и стрельба, и пальба, дым облако свил, все из глаз закрыл! Яблочко по блюдечку катится, наливное по серебряному: в блюдечке все небо красуется, солнышко за солнышком кружится, звезды в хоровод собираются. Царь удивлен чудесами, а красавица льется слезами, перед царем в ноги падает, просит помиловать. "Царь-государь! - говорит она. - Возьми мое серебряное блюдечко и наливное яблочко, лишь прости ты сестер моих, за меня не губи ты их". Царь на слезы ее сжалился, по прошенью помиловал; она в радости вскрикнула, обнимать сестер бросилась.

Царь глядит, изумляется; взял красавицу за руки, говорит ей приветливо: "Я почту доброту твою, отличу красоту твою; Хочешь ли быть мне супругою, царству доброй царицею?" - "Царь-государь! - отвечает красавица. - Твоя воля царская, а над дочерью воля отцовская, благословенье родной матери; как отец велит, как мать благословит, так и я окажу". Отец в землю поклонился, послали за матерью - мать благословила. "Еще к тебе слово, - сказала царю красавица, - не отлучай родных от меня; пусть со мною будут и мать, и отец, и сестры мои". Тут сестры ей в ноги кланяются. "Недостойны мы!" - говорят они. "Все забыто, сестры любезные! - говорит она им. - Вы родные мне, не с чужих сторон, а кто старое зло помнит, тому глаз вон!" Так сказала она, улыбнулась и сестер поднимала; а сестры в раскаянье плачут, как река льются, встать с земли ее хотят. Тогда царь им встать приказал, кротко на них посмотрел, во дворце остаться велел. Пир во дворце! Крыльцо все в огнях, как солнце в лучах; царь с царицею сели в колесницу, земля дрожит, народ бежит: "Здравствуй, - кричат, - на многие века!"